

— Эх... — Линь Цзунцзе снова тяжело, обречённо вздохнул.

Кондиционер в вип-кабинке караоке работал на полную мощность, но в этой душной, ревущей от криков коробке дышать всё равно было нечем. Цзунцзе без конца думал о Хань Лине. Стоило представить, что тот действительно проигнорирует его и не придёт, как по спине пробегал ледяной пот.

Раздражённо поднявшись с дивана, он бесцеремонно схватил за плечо Хэ Линьчуаня, который как раз надрывал связки под «Песнь пипы».

— Завязывай выть, — бросил он. — Пошли выйдем, поговорить надо.

Линьчуань, увлечённый песней, лишь досадливо отмахнулся:

— Да отстань ты! Сядь и расслабься. Зуб даю, Хань Линь вот-вот появится. Твоё дело — притвориться в стельку пьяным, понял?

Договорив, он снова поднёс микрофон к губам, собираясь затянуть очередной куплет.

— Какое, к чёрту, притвориться! — Линь Цзунцзе вырвал у него микрофон, раздражённо клацнул по кнопке паузы на пульте и швырнул пластиковую трубку на столик. — Это Хань Линь, допёрло? Хань Линь! Не кто-то там. Хватит равнять его со смазливymi дурачками из тупых любовных романов!

Хэ Линьчуань опешил. Он опустился на диван рядом с другом и недоумённо развёл руками:

— Эй, да ладно тебе. Мы же просто хотели проверить, равнодушен ли он к тебе.

Но у Линь Цзунцзе на душе кошки скребли. Будь Хань Линь хоть каплю взволнован, за это время даже муравей бы уже дополз.

Цзунцзе сердито схватил со стола бутылку пива, сделал глоток, преодолевая резкую боль в обожжённом языке, и решительно высказал всё, что накопело:

— Да к чёрту эти проверки! Я пойду и поговорю с ним прямо. А то сейчас выгляжу как жалкий неудачник, у которого в башке одни розовые сопли. Получил от ворот поворот — и сразу в запой, топить горе в кабаке? Тьфу, аж самому противно от такой драмы!

Чэнь Кэ, собиравшийся отправить в рот дольку апельсина, так и застыл с поднятой рукой.

— Погодите, босс, — опомнился он. — Но ведь вы сами вчера вечером одобрили этот план!

— И сценарий лично читали, — подал голос сидевший в углу Су Линь.

— И играть согласились без лишних уговоров, — добавил Юань Юань.

Остальные хором закивали:

— Что же вы теперь на попятную пошли?

Линь Цзунцзе лишился дара речи.

— А-а-а! — взвыл он, хватаясь за голову.

Он рухнул обратно на диван, зарываясь пальцами в волосы и в отчаянии взъерошивая их.

Впрочем, вспышка гнева быстро угасла, уступив место тревожной решимости. Линь Цзунцзе потянулся за курткой и резко поднялся.

— Нет, так дело не пойдёт, — забормотал он под нос. — Надо идти к его дому и караулить у подъезда. Нельзя так глупо всё просрать. Если извинюсь прямо сейчас, может, ещё смогу всё исправить.

Он перекинул куртку через локоть и принялся хлопать себя по карманам:

— Так... А где мой телефон?

Вся компания послушно повскакивала с мест, принимаясь шарить по углам в поисках телефона своего предводителя.

В это время у входа в караоке-бар, сияющий неоновыми вывесками, всюду гремела какофония. Из приоткрытых дверей кабинок наружу доносился нестройный хор завываний и пьяных криков.

Сун Чэн стоял рядом с Хань Линем, едва ли не дрожа от страха. Хань Линь был мрачнее тучи. Он хмуро разглядывал входные двери, но заходить внутрь явно не собирался. Вместо этого он прислонился спиной к прохладной стене и ровным, леденящим душу голосом приказал:

— Позови его.

В его тоне не было ни крика, ни явной злости, но обострившееся чутьё подсказывало Сун Чэну: это затишье перед настоящей бурей.

Сун Чэн в замешательстве поскрёб затылок и промямлил:

— Учебный староста... Наш президент там... Ну, он, наверное, уже лыка не вяжет.

Намёк был прозрачным: Сун Чэн пытался деликатно дать понять, что Хань Линю лучше войти самому. Да и куда ему, рядовому помощнику, тягаться с разбушевавшимся боссом?

— Если пьян — вылей на него стакан ледяной воды, — отрезал Хань Линь. — И передай Линь Цзунцзе: если через минуту он не покажется здесь, простым «извини» или пересаживанием за другую парту он больше не отделается.

Сун Чэн жалобно сморщился:

— Но, учебный староста... я...

Хань Линь прекрасно понимал его нерешительность — с характером Линь Цзунцзе шутки были плохи. Достав из кармана ручку и клочок бумаги, он быстро размашистым, но твёрдым почерком вывел два слова: «Живо наружу». Буквы вышли аккуратными и резкими — точь-в-точь как сам Хань Линь.

Убрав ручку, он сложил записку и вложил её в ладонь опешившего одноклассника.

— Отдай ему. И передай, что у него ровно минута.

С этими словами Хань Линь вскинул левую руку и глянул на часы:

— Время пошло. Раз, два, три...

Поняв, что записка в его руках — это фактически охранная грамота, Сун Чэн пулей бросился вглубь коридора, крикнув на бегу:

— Да подожди ты, дай мне хоть войти сначала!

Секунды неумолимо утекали.

Хань Линь слегка запрокинул голову, тупо глядя в темнеющее небо и про себя отсчитывая мгновения. Из-за туч и начавшегося дождя ночь казалась чернее обычного. Прямо на лоб ему упала первая холодная капля.

«Классика жанра, блядь, драматургам бы понравилось — расставание под дождём! Нам ещё до отношений как до луны пешком, какое к чёрту расставание?! И ливень этот дурацкий... К чему этот дешёвый трагизм?! Сволочь ходячая».

Не успел он закончить свой мысленный поток ругательств, как из глубины переулка донёсся торопливый, глухой топот.

Едва Линь Цзунцзе с телефоном в руках распахнул дверь вип-кабинки, как наткнулся на Сун Чэна, который тянул шею, пытаясь заглянуть внутрь. Стоило Цзунцзе развернуть записку, как в его душе будто разом взорвались тысячи петард. Хань Линь здесь! Он ждёт на улице!

Не раздумывая ни секунды, он рванул к выходу.

Караоке-бар располагался в глубине глухого, полутёмного переулка. Место было скрытым — идеальное пристанище для школьников, откуда в случае внезапной проверки можно было легко прошмыгнуть через чёрный ход.

От избытка чувств Линь Цзунцзе у самого выхода знатно споткнулся и едва не полетел кувырком прямиком в мусорные баки, стоявшие у противоположной стены. Едва удержав равновесие, он принялся лихорадочно оглядываться по сторонам в поисках Хань Линя.

Заметив знакомый силуэт, прислонившийся к стене, Цзунцзе шумно выдохнул — на сердце немного отлегло.

Он замедлил шаг и нерешительно двинулся навстречу. Остановившись шагах в пяти, парень замер. Хань Линь не двигался. В его глазах читались лишь глухое разочарование и немой упрёк, отчего у Цзунцзе внутри всё болезненно сжалось.

— Послушай... — собрав волю в кулак, Цзунцзе шагнул ближе и тихо произнёс: — Прости меня.

Хлёсткий удар ладони по щеке эхом разнёсся по подворотне, разом заглушив далёкие пьяные вопли.

— Бросить школу решил?! — процедил Хань Линь сквозь зубы.

Второй удар — ещё более сильный — обрушился на вторую щеку.

В глазах Хань Линя вспыхнула злая насмешка:

— Напиться захотелось?

И снова — хлёсткая пощёчина без единой секунды на раздумья.

— Весело тебе, ублюдок? — с ледяной усмешкой спросил он.

Линь Цзунцзе полностью растерялся от этой яростной серии ударов. Лицо полыхало огнём, в ушах тонко и противно звенело. Он во все глаза смотрел на Хань Линя, ошарашенный и не способный вымолвить ни слова.

— Я тебя спрашиваю: весело?! — Хань Линь наступал, его ладонь горела от ударов, но гнев лишь разгорался с новой силой. — Может, мне за тебя вещи собрать? Или бутылку открыть и прямо в глотку залить? Тебе плохо, да? Решил от реальности сбежать?

Он задыхался от бушевавших внутри эмоций, слова так и сыпались из него градом:

— Что дальше, вскроем вены? Думаешь, круто торчать в таких гадюшниках? Небось утром расплылся в улыбке, когда увидел, что я побежал за тобой? Бухло, сигареты, драки, притоны, отчисление... Каков герой!

— Линь Цзунцзе, ну ты и сволочь! Думаешь, если превратишь свою жизнь в помойку, сделаешь хуже мне?! Родители тебя растили, холили, чтобы ты теперь так гробил себя? Тебе перед ними не стыдно?!

Он впервые в жизни сорвался на такой крик. Обычно холодный, отстранённый голос сейчас звенел от чистой, неразбавленной ярости.

Дождь застучал сильнее. Хань Линь стоял с занесённой рукой, которая заметно дрожала. На его ресницах повисла крупная дождевая капля, сверкнула в свете фонаря и сорвалась вниз.

Он уже замахнулся для четвёртого удара, но Цзунцзе резко перехватил его руку в воздухе, крепко обхватив пальцами за тонкое запястье.

Хань Линь напрягся, ожидая отпора.

Однако Линь Цзунцзе лишь виновато отвел взгляд и неловко забормотал, продолжая удерживать его руку:

— Слышь... у тебя ладонь уже покраснела, заболит ведь. Если злость не прошла, лучше пни меня пару раз, ладно?

Хань Линь шумно вдохнул сквозь зубы и уже занёс ногу для удара, но...

Линь Цзунцзе вдруг порывисто опустил голову:

— Погоди... Я знаю, что кругом виноват. И за утреннее представление тоже прости.

Он шумно сглотнул, не выпуская его запытая:

— Хань Линь, прости меня. Нельзя мне было устраивать эти дешёвые трюки и врать тебе. Но... насчёт моих чувств. Я ведь тоже долго не мог прийти в себя перед тем, как признаться. Помнишь, как я цеплялся к тебе, хамил, портил кровь, отказывался подчиняться? Это всё от глупости было. Я просто пугался. Пугался тех дурацких мыслей, которые лезли мне в голову, стоило тебе оказаться рядом. Это была просто самозащита, дурацкая реакция... Я до сих пор поверить не могу, что влюбился в парня. В такого же парня, как я сам.

Он вывалил всё это на одном дыхании — искренне, путано, обнажая душу. Закончив, он поднял на Хань Линя взгляд, полный робкой надежды. Но тут же сник и покачал головой:

— Хотя нет, какой «такой же». Ты совсем другой. Ты умный, правильный, у тебя будущее впереди. А я... я просто пустое место.

Гордый, заносчивый «президент Линь», который обычно ходил, задрав нос выше крыши, сейчас стоял перед ним, покаянно опустив голову так низко, словно у него вот-вот переломится шея.

Тем временем из VIP-кабинки гурьбой высыпали Сун Чэн и все Олимпийские фува. Затаив дыхание, они облепили дверной проём, наблюдая за разворачивающейся драмой. Три пощёчины Хань Линя заставили их сердца уйти в пятки. Хэ Линьчуань уже всерьёз испугался, что Линь Цзунцзе сейчас сорвётся и пустит в ход кулаки, но вместо этого их грозный вождь заканючил что-то вроде: «Бей меня, только ручки свои не порань».

От такой приторной нежности у парней аж зубы заломило. Ну и бесстыдник же этот Цзунцзе!

— Когда ты вчера сказал, что на этом всё, мне правда стало хреново, — тихо продолжил Цзунцзе. — Я позвал пацанов просто потому, что мне нужно было выговориться. Мысли в башке не помещались.

Помня, что Хань Линь терпеть не может алкоголь, он жалобно заглянул ему в глаза:

— И я не пил! Честно. У меня язык так полыхает, что я даже воду глотать не могу. Я знаю, что тебя на дешёвые уловки не возьмёшь. Ребята твердили, что если ты по девочкам, то мне ловить нечего и лучше вообще не отвешивать. Но я же не знаю, кто тебе нравится...

Ошарашенный столь бурным потоком откровений, Хань Линь застыл. Они стояли посреди тёмного переулочка, пока вокруг них стеной рушился ливень.

Вода заливала глаза. Едва Хань Линь успел прийти в себя, как Линь Цзунцзе сорвал с плеч школьную куртку и торопливо набросил её ему на голову, защищая от капель, хотя сам тут же вымок до нитки. Затянув Хань Линя под узкий навес над входом, Цзунцзе решил: раз уж пошла такая пьянка, надо выкладывать всё до конца.

Он крепко сжал холодные ладони Хань Линя и, глядя прямо ему в глаза, попросил:

— Я хочу спросить тебя об одном... Но сперва дослушай меня, хорошо?

— Вчера ребята после кабака пошли в компьютерный клуб. Мне было не до игр — сыграл пару каток и бросил. Сидел, курил, пытался унять тоску, и тут мне в голову прилетел этот долбанный термин — «гомосексуальность». Я залез в телефон и начал судорожно гуглить, что это вообще такое и как с этим живут.

— Понаходил какие-то фильмы, реальные истории на форумах. Знаешь, я просто перематывал сразу на финал. И у всех, абсолютно у всех конец был паршивый. Либо кто-то умирает, либо расходятся. И ведь расходятся не потому, что разлюбили. Просто пишут: у двух мужчин нет будущего. Мол, вырастешь — изволь жениться и заводить детей. Сильные и отчаянные пытаются бороться, а слабые ломаются под давлением. А может, и не под давлением вовсе... Просто пасуют перед реальностью, решая, что «нормальная» семья — это предел их мечтаний.

— Я всю ночь об этом думал. И понял одну вещь: я не такой, как они. Мне никто в этом чёртовом мире не нужен, кроме тебя.

— Хань Линь, вслушайся сейчас в каждое моё слово. Я не играю с тобой и уж точно не шучу. Ты мне дорог. Я безумно тебя люблю.

— У меня в голове последние дни только ты. Вчера я расписал в мыслях всю нашу жизнь наперёд. Думал: а что делать, если в тебя влюбится кто-то ещё? Что, если наши предки встанут на дыбы? Что, если друзья отвернутся, а прохожие на улице будут тыкать пальцами и называть извращенцами?

— Хань Линь, мне до слёз больно за тебя становится. Ты ведь замечательный, чистый человек. И из-за моих чувств тебе придётся терпеть косые взгляды и перешёптывания за спиной. Ты заслуживаешь идеального, светлого будущего, а моя любовь... она ведь может стать единственным грязным пятном на твоей репутации, за которое тебя будут шпынять всю жизнь.

— Я думал отступить, правда. Но отказаться от тебя — это выше моих сил. Я хочу быть тем, кто защитит тебя от всего этого дерьма.

— Мне страшно за тебя, но я всё равно тебя люблю.

Линь Цзунцзе замолчал. В его глазах блеснули слёзы — не от слабости, а от избытка той искренней, отчаянной юношеской отваги, которая заставляет идти напролом. Его взгляд, устремлённый на Хань Линя, дышал абсолютной, непоколебимой решимостью.

— Мне столько всего хочется тебе сказать... Но боюсь, что у тебя уши завянут. Если ты позволишь, я буду говорить без конца. Если нет — я замолчу и сделаю вид, будто ничего не было. Хань Линь, я приму любое твоё решение. Но сейчас... могу я спросить? Ты согласишься полюбить меня?

Ливень за пределами их укрытия разошёлся не на шутку. Пальцы Хань Линя совсем обледенели. Заметив это, Линь Цзунцзе без колебаний перехватил и вторую его ладонь, бережно сжав в своих горячих руках. Ему хотелось согреть его всегда — без остатка. Пусть весь мир катится в ледяную бездну, но пока в самом Цзунцзе теплится хоть капля тепла, она будет принадлежать только Хань Линю.

«Любовь действительно меняет людей», — подумал он.

Хань Линь молчал. Цзунцзе затаил дыхание, вглядываясь в его лицо:

— Так... ты ответишь?

Прошло томительно много времени, прежде чем Хань Линь наконец тихо спросил:

— И что за фильмы ты смотрел?

— А? — Линь Цзунцзе растерялся от столь неожиданного вопроса. Похлопав глазами, он судорожно попытался вспомнить: — Ну... наугад выбрал из топа на Доубане. Кажется, «Горбатую гору» и «Лань Юй». Ещё читал автобиографические ветки на Тянья. И ещё кучу статей, авторов не помню, но они клялись, что всё это чистая правда.

— И как, плакал?

— Да ну, не плакал я, — Линь Цзунцзе смущённо потёр глаза тыльной стороной ладони. — Просто... на душе паршиво стало. Жалко их.

— А сигарет за просмотром сколько извёл?

«Ну почему его волнуют только вредные привычки?!» — мысленно взмолился Цзунцзе, а вслух забормотал:

— Ну... не считал. Полпачки где-то. Если тебе не нравится запах табака, я брошу! Клянусь, больше ни одной затяжки не сделаю.

— Тот подарок, который ты купил в прошлый раз... он с тобой? — послышался новый вопрос.

— Подарок в рюкзаке, а рюкзак... кажется, в классе остался.

— А обёртка?

Линь Цзунцзе недоумённо склонил голову набок, хлопая ресницами:

— Чего?..

Хань Линь спокойно и плавно произнёс на чистейшем английском:

— It is fate that makes me meet you, it is my choice to befriend you, and it is accident to fall in love with you.

— А-а, вспомнил! — Цзунцзе мгновенно сообразил, о чём речь, вспомнив про коробку с перьевой ручкой. Он торопливо полез в карман брюк и извлёк оттуда измятый кусок чёрно-белой обёрточной бумаги. — Вот она, здесь!

— Даю тебе три минуты на перевод. Можешь пользоваться словарём в телефоне, но вбивать предложение целиком запрещаю.

Договорив, Хань Линь опустил взгляд на запястье, запуская привычный отсчёт времени.

«Что?! Опять?!»

Линь Цзунцзе в панике уставился сначала на строгого учебного старосту, потом на клочок бумаги в своих руках. Он решительно ничего не понимал, но нутро подсказывало: если он сейчас провалит этот импровизированный экзамен, то о счастливом будущем с Хань Линем может забыть раз и навсегда.

Времени на раздумья не оставалось. Поймав брошенную Хань Линем ручку, Цзунцзе плюхнулся на корточки прямо на сырой цемент. Одно колено опустилось в неглубокую лужу, но ему было плевать. Расправив бумагу на бедре, он уткнулся в экран мобильного, лихорадочно выписывая перевод каждого незнакомого слова прямо себе на ладонь.

Ливень забивал под навес, косые струи долетали до бетонного крыльца. Линь Цзунцзе сидел, низко склонив голову, и сосредоточенно сопел над заданием. С этого ракурса его макушка

выглядела на удивление забавно и даже мило.

Хань Линь, укутавшись в его куртку, спокойно и с полным правом наблюдал за этими хаотичными усилиями.

Чувства нагрянули внезапно, но в то же время казались чем-то неизбежным и правильным. Стоит оно того или нет? Правильным ли будет этот шаг? Хань Линь не знал ответов. Но, глядя на промокшего парня у своих ног, он вдруг подумал:

«А может, поверить ему? Хоть один-единственный раз».

Когда Линь Цзунцзе наконец закончил, стрелка часов уже давно перешагнула заветную отметку в три минуты. Хань Линь промолчал, наблюдая, как сияющий от гордости парень вскакивает на ноги, победно демонстрируя исписанный клочок бумаги.

— «Встреча с тобой — предопределение судьбы. Дружба с тобой — мой личный выбор. Но любовь к тебе — это случайность, которую я не в силах контролировать», — торжественно зачитал Цзунцзе.

Любовь к тебе — это случайность, которую я не в силах контролировать.

Хань Линь опустил голову и прикрыл глаза. Трудно было понять, улыбается он или просто смирился со своей участью. К горлу подкатил горячий ком. Сделав шаг вперед, он крепко обнял Линь Цзунцзе за талию, утыкаясь лицом ему в грудь.

Осенняя сырость пробирала до костей, но в это мгновение в объятиях Цзунцзе оказалось нечто невероятно мягкое, уютное и горячее.

Его сердце испуганно пропустило удар. Парень замер, не смея пошевелиться, всё ещё удерживая бумажку на весу. Он опустил взгляд и затаил дыхание: прямо у его груди уткнулась та самая макушка, о которой он бредил все эти дни.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем оцепенение спало. Линь Цзунцзе медленно опустил руки. Одной рукой он обхватил плечи Хань Линя, а вторую мягко положил ему на затылок, бережно, но крепко прижимая к себе, словно велижайшую драгоценность в мире.

— Линь Цзунцзе, — тихо, почти шёпотом раздалось из его объятий, — только попробуй забыть хоть слово из того, что сейчас наговорил.